

Научная статья

УДК 81-25'367

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.50.2.05

КРЕАТИВНЫЙ СИНТАКСИС ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ДИАЛОГА КУЛЬТУР (НЕМЕЦКИЙ И РУССКИЙ ЯЗЫКИ)

Беляева Мария Вячеславовна¹,
Киров Евгений Флорентович²

^{1,2} Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия

¹ beljaeva-mv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2097-6900>

² evg-kirov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9836-5619>

Аннотация. В статье представлены креативные синтаксические построения немецкого и русского разговорного синтаксиса как реализация диалога культур с позиций достаточно нового научного направления — лингвистики креатива, в чем и заключается актуальность избранной тематики. Понятие креативности сформировалось прежде всего в лексикологии при изучении специфических лексических единиц, но можно предположить наличие креативного потенциала и в разговорном синтаксисе, поскольку синтаксическая организация речевого общения является индикатором коммуникативных регистров, в первую очередь их аутентичности. Изучение особенностей разговорной речи и специфики структурирования устных высказываний позволяет дать определение креативного синтаксиса как системы синтаксических средств выражения экспрессивно-эмоционального состояния адресанта. На основе определения эмоционально-креативного синтаксиса как системы синтаксических средств выражения экспрессивно-эмоционального состояния адресанта предлагаются критерии разграничения средств нормативного и эмоционально-креативного синтаксиса в разговорной речи и обсуждаются так называемые разговорные маркеры, сформированные преодолением стандартности языковой синтаксической конструкции, а также языковой экономией и языковой избыточностью. Актуальность исследования данной проблемы обусловлена не только выбранным ракурсом ее рассмотрения, но и определением наиболее распространенных креативных конструкций разговорного синтаксиса немецкого и русского языков, отражающих специфику языковой культуры носителей этих языков, а результаты проведенного исследования позволяют под новым углом зрения увидеть особенности разговорного синтаксиса как проявления функциональной эмоциональной креативности.

Ключевые слова: креативная лингвистика, разговорный синтаксис, эмоционально-креативный синтаксис, нормативный синтаксис, разговорный маркер, новация.

Для цитирования: Беляева, М. В., Киров, Е. Ф. (2023). Креативный синтаксис через призму диалога культур (немецкий и русский языки). *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(50), 55–68. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.50.2.05>

Original article

UDC 81-25'367

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.50.2.05

CREATIVE SYNTAX THROUGH THE PRISM OF THE DIALOGUE OF CULTURES (GERMAN AND RUSSIAN)

Maria V. Belyaeva¹,Evgeny F. Kirov²^{1,2} Moscow City University,
Moscow, Russia¹ beljaeva-mv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2097-6900>² evg-kirov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9836-5619>

Abstract. The article presents creative syntactic constructions of German and Russian colloquial syntax serving as the implementation of the dialogue of cultures from the standpoint of a fairly new scientific direction — linguistics of creativity. The concept of creativity was formed primarily in lexicology when studying specific lexical units, but it can be assumed that there is a creative potential in colloquial syntax, since the syntactic organization of speech communication is an indicator of communicative registers and, first of all, their authenticity. The study of the colloquial speech features and the ways of structuring oral utterances allows us to define creative syntax as a system of syntactic means of revealing the expressive and emotional state of the addressee. Relying on the definition of emotional-creative syntax as a system of syntactic means of expressing the expressive-emotional state of the addressee, the criteria for distinguishing the means of normative and emotional-creative syntax in colloquial speech are proposed and the so-called conversational markers formed by overcoming the standardness of the linguistic syntactic structure, as well as language economy and language redundancy are considered. The relevance of the study is determined not only by the chosen angle of its consideration, but also lies in determining the most common creative constructions of the colloquial syntax of both German and Russian, reflecting the features of the native speakers' linguistic culture, and the results of the study allow us to see the features of colloquial syntax as a manifestation of functional emotional creativity from a new angle.

Keywords: creative linguistics, conversational syntax, emotional-creative syntax, normative syntax, conversational marker, innovation.

For citation: Belyeva, M. V., Kirov, E. F. (2023). Creative syntax through the prism of the dialogue of cultures (German and Russian). *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(50), 55–68. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.50.2.05>

Введение / Introduction

Диалог культур в широком смысле предполагает понимание самобытности, самостоятельности и оригинальности другой культуры, с которой мы вступаем в контакт, в том числе и в языковой контакт. Такое понимание диалога культур связано с приближенностью говорящего к реальным формам общения и проявляется в умении организовать спонтанное речевое произведение в соответствии с параметрами коммуникативной ситуации таким образом, чтобы в речевом оформлении не отличаться от носителей языка. Для достижения такой цели мало овладеть соответствующим лексическим запасом, важно уметь использовать правильный диапазон синтаксических средств (структурных схем предложения), поскольку

это является той лакмусовой бумажкой, которая позволяет отличать носителя языка от иностранца. Таким образом, чтобы осуществить культурный диалог с носителем языка (русского или немецкого, например) необходимо войти в его лингвистический круг и перейти на его лингвистический код. В понятие лингвистического кода мы включаем как лексическую, так и синтаксическую составляющие коммуникации, наряду с лексико-концептуальным видением мира.

Как известно, устная форма синтаксической организации спонтанного высказывания на немецком и русском языках (разговорная речь) имеет принципиальные отличия от письменной в плане глубины и длины предложений, их структурирования, т. е. в плане того, что называется синтаксисом звучащей спонтанной речи. Следует отметить, что проблемы синтаксического оформления речевых произведений привлекают внимание многих лингвистов. Несмотря на то что исследования в этой области имеют длительную историю, можно найти и новые ракурсы рассмотрения тех или иных аспектов в оформлении спонтанной разговорной речи.

Один из перспективных подходов к систематизации синтаксических особенностей разговорной речи можно увидеть в новом научном направлении «Лингвистика креатива», сформированном как самостоятельное в исследованиях группы ученых Уральского государственного педагогического университета (г. Екатеринбург) под руководством проф. Т. А. Гридиной (Лингвистика креатива – 1, 2013; Лингвистика креатива – 2, 2012). Под лингвистикой креатива понимается соприкосновение языка и творчества при речепорождении высказывания, а точнее, любое проявление языкового творчества в речи, иными словами, сознательно приносимое в речевую практику языковое новаторство. Считается, что языковая креативность непосредственно связана с обновлением запаса уже имеющихся языковых единиц, преодолением стандартного облика языковой структуры, усвоенной человеком с детства, при этом речь, прежде всего, идет о синтаксической системе языка (хотя креативное преобразование может охватывать всю систему языка). Лингвистика креатива включает в себя более широкий спектр явлений, приобретая, по сути, тот же объект исследования, что и когнитивная лингвистика, т. е. и здесь рассматривается связь языка с процессами познания и мышления, обращается внимание на языковое творчество (см. работы Дж. Лакоффа, Н. Хомского, Е. С. Кубряковой, В. З. Демьянкова, Д. О. Добровольского и др.).

Рассматривая спонтанную разговорную речь и ее синтаксис в аспекте креативности, важно подчеркнуть, что синтаксис каждого говорящего индивидуально специфичен, хотя и реализуется на основе усвоенной им конвенциональной, устойчивой системы языка. Именно через креативное высказывание, по мнению Е. Ф. Серебренниковой, осуществляется реализация языковой способности человека (Когнитивные категории в синтаксисе, 2009, с. 127). В противоборстве и единстве конвенционально-нормативного и индивидуально-креативного кроется ключ к пониманию того, как осуществляется речемыслительная деятельность.

Методология исследования / Methodology

В исследовании использован аналитико-прагматический индуктивный метод, направленный на определение сущностных характеристик разговорной речи как источника креативного языкового потенциала в языке, на выявление пересечений нормативного, креативного эмоционально-экспрессивного аспектов в синтаксисе речи.

Посредством системного и типологического подходов с использованием методов: наблюдения, анализа, синтеза, сравнения и обобщения — были выявлены основные черты креативного синтаксиса немецкого и русского языков. Материалом послужили теории и исследования российских и немецких лингвистов — специалистов в области изучения разговорной речи. Проведенный с помощью названных методов анализ позволил осуществить наблюдение над языковым материалом и его обобщение. Методом наблюдения выявлены маркеры разговорности (они же и критерии креативности разговорно-эмоционального синтаксиса в немецком и русском языках).

Результаты и дискуссия / Results and discussion

В научной литературе существуют понятия нормативного и экспрессивно-эмоционального синтаксиса, в связи с этим возникает вопрос о месте эмоционально-креативного синтаксиса и точках его пересечения с нормативным, экспрессивным и эмоциональным синтаксисом. Понятие «нормативный синтаксис» языка является традиционно общепринятым определением для всех типов словосочетаний и предложений, построенных по грамматическим нормам, зафиксированным в грамматике как немецкого, так и русского языка, и используемых равнозначно в различных типах дискурсов. Трактовка понятия «нормативный синтаксис», как правило, во всех грамматиках одинакова. Встает вопрос: в чем же специфика эмоционально-креативного синтаксиса? Выстраивая дихотомию «нормативный – креативный синтаксис», нужно определить критерии данного противопоставления.

Первым критерием можно назвать принципиально различный подход к структурированию письменных и устных высказываний в плане их синтаксического оформления, о чем говорилось ранее, т. е. нормативный и креативный синтаксис имеют свои нормы построения синтаксических конструкций. Основным критерием можно считать контекстуальную зависимость структуры предложения в том и другом синтаксисе: если построения нормативного синтаксиса не настолько связаны с контекстом, что не могут быть поняты без него, то креативные синтаксические структуры в значительной степени детерминированы именно контекстом. Третьим критерием может быть различная степень свободы в применении грамматических правил, обусловленная потребностями индивидуального речетворчества (стремление выйти за рамки стандартной синтаксической конструкции или ее трансформации).

Таким образом, нормативный синтаксис — это то, что принято и используется языковым сообществом как система образцов, структурных схем грамматически правильного оформления письменных и устных высказываний, именно она порождает типовые, типологизированные высказывания. Креативный синтаксис — это продукт применения целого арсенала средств, альтернативных нормативному синтаксису.

В связи с этим уместно обратиться также к понятию двух грамматик: *грамматики говорящего* и *грамматики слушающего* (Норман, 2011). С этих позиций креативный синтаксис можно рассматривать как синтаксис говорящего с возможностью варьирования типовой схемы высказывания, но ориентированный на слушателя, который также имеет свою грамматику и способен понять сказанное (Винокур, 2007), поэтому в синтаксисе говорящего сосуществуют как общепринятые, так и индивидуальные синтаксические конструкции, направленные на творческое восприятие дискурса

адресатом. Таким образом, динамичность и креативность представляют собой единое целое речевой деятельности, что подтверждается проанализированным языковым материалом.

Поскольку уже сосуществуют понятия экспрессивного и эмоционального синтаксиса (Кострова, 2021), необходимо определить, каким образом соотносятся между собой креативный и экспрессивный, эмоциональный синтаксис. На наш взгляд, эти понятия легко объединяются. О. А. Кострова, анализируя принципы и основы экспрессивного синтаксиса, указала на взаимосвязь экспрессивного и креативного начал в синтаксических единицах немецкого языка, отметив, что синтаксический знак имеет широкий диапазон свойств в речевом употреблении; экспрессивность синтаксического знака при этом рассматривается как результат различного рода процессов (метафоризация, метонимизация, импликация и др.), в результате которых синтаксический знак приобретает функционально-креативные свойства (Там же, с. 29). Речь, например, идет о нарушенном словопорядке, перемещении лексем, повторах, расчленении структуры и других процессах как факторах создания экспрессивности речевого знака.

Таким образом, эмоциональный синтаксис как таковой отражает эмоциональные состояния, а экспрессивный синтаксис реализует средства выразительности (экспрессивные языковые знаки) в системе своих вариативных возможностей, и на этом основании их легко объединить.

Экспрессивность и эмоциональность во взаимодействии предполагают появление фактора функциональной креативности, и, таким образом, тесная взаимосвязь экспрессивности и эмоциональности порождает феномен эмоциональной креативности, т. е. дает в синтезе некое новое явление: эмоционально-креативный синтаксис, который представляет собой, с одной стороны, систему синтаксических средств выражения эмоционально-экспрессивных состояний человека, а с другой — реализацию речевых потребностей носителей языка, обусловленных определенными коммуникативно-прагматическими задачами.

Синтаксическая креативность понимается нами как использование таких синтаксических построений, которые представляют собой удобные и грамматически более простые синтаксические средства выражения коммуникативных задач. Синтаксическая креативность, на наш взгляд, может быть сопряжена, с одной стороны, с употреблением стереотипных клишированных конструкций с высокой степенью экспрессивности, что Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров называют речеведенческой тактикой (Верещагин и Костомаров, 1999). С другой стороны, это связано с использованием речевых конструкций, которые возникают в результате спонтанности, неподготовленности разговорной речи, что отражается в степени полноты высказывания, порядке слов, союзной или бессоюзной связи в сложных построениях, в применении анафорических или катафорических средств связности и т. д. В. А. Звегинцев описал такие средства в теории употребления (Звегинцев, 2007, с. 280).

Теория синтаксических употреблений реализуется каждый раз в опоре на выбор, который говорящий осуществляет в момент речевого акта в соответствии со своим коммуникативным опытом. Например, нормативный синтаксис немецкого языка предписывает использование рамочной конструкции для придаточного предложения и следование фиксированному порядку слов, но в разговорной речи сильна тенденция к формированию синтаксической конструкции порциями, сегментами, и, таким

образом, возникает необходимость выбора в момент генерации речи между конструкциями, построенными по линейному принципу (развертывание структуры вширь), и конструкциями, содержащими структурно выраженное подчинение предикативных единиц (развертывание структуры вглубь), т. е. между более простыми и более сложными конструкциями, между полными и содержащими имплицитные звенья структурами.

В русской разговорной речи синтаксическая креативность проявляется в разнообразии соединения элементов в целое, что способствует возникновению связей свободного соединения, например: *Молока купи, пожалуйста, по дороге две бутылки; Какая интересная передача ты говорил будет сегодня по Первому каналу?* Подобные конструкции строятся по принципу свободного ассоциативного присоединения частей высказывания по мере развития мысли, поэтому и наблюдается синтаксический разрыв двух тесно связанных по смыслу единиц речи. Пропозиции членятся на фрагменты и смешиваются друг с другом по принципу стереоскопа.

Алгоритм выбора, очевидно, формируется в направлении уменьшения умственных затрат на структурирование высказывания, и для говорящего предпочтителен путь более легкого достижения коммуникативной задачи, что в результате может привести к совмещению в одном высказывании экономии с избыточностью. В целом это приводит к тому, что можно назвать проявлениями креативного синтаксиса, потому что такой выбор синтаксических форм носит субъективно-индивидуальный характер и определяется говорящим для каждой речевой ситуации заново.

При рассмотрении синтаксических разговорных конструкций немецкого языка следует учитывать тот факт, что анализ языкового материала в художественных произведениях и в источниках Мангеймского корпуса дает несколько различную картину. Образцы экспрессивно-креативного синтаксиса в художественных текстах представляют собой скорее авторское видение того, как синтаксически организована разговорная речь. Такие конструкции основаны на экономии языковых средств, т. е. эллипсисе, опущении членов предложения, краткости предложения и т. д. (Кострова, 2021). В транскрибированных записях, собранных в Институте немецкого языка (Мангейм), креативная составляющая направлена больше в сторону избыточности языковых средств, повторов, применения синтаксического параллелизма, а также использования альтернативных грамматическим союзам средств синтаксической связи, включая нулевые (Киров, 2008).

На материале примеров из немецкого и русского разговорных языков рассмотрим, каким образом реализуется креативный синтаксический потенциал адресанта. Мы будем исходить из того, что в предлагаемых фрагментах можно обнаружить как общие, так и индивидуальные маркеры разговорности, которые представляют собой образцы синтаксической креативности.

Одним из основных маркеров разговорности в немецком языке, как уже говорилось ранее, является избыточность языковых средств. Первый тип избыточности выражает процесс торможения при формулировании мысли, что приводит к употреблению лишних для выражения содержания элементов (слова-паразиты, повтор отдельных языковых единиц и т. д.).

Второй тип избыточности возникает из потребности усиления коммуникативного веса высказывания и связан, таким образом, с коммуникативной задачей. Принцип избыточности построения может реализоваться при этом через синтаксическое разрыхление структуры, которое выражается в немецком языке в выносе за рамку наиболее

информативно значимых элементов высказывания. Рема высказывания как бы разбивается на небольшие порции, т. е., образно говоря, происходит ее разукрупнение. Представление ремы высказывания подобным образом способствует добавлению речевых порций-сегментов по мере их необходимости, как это понимает говорящий. Рассмотрим конкретные фрагменты речи.

Первый произвольно выбранный фрагмент монологического высказывания представляет собой воспоминания о времени службы в армии:

Mit siebzehn Jahren bin ich dann schon eingerückt, [...] *nicht, in Österreich*, war in Gefangenschaft und aus der Gefangenschaft heim, da haben wir wieder gewirkt, *nicht!* Nun und Zeit lang haben wir dann auch Körbe gemacht und (0) bin eben manchmal *auf die Straße gegangen, in den Busch gegangen, Holz machen*, und da waren wir halt natürlich äh ein bißchen schwach dazu, *nicht!* Nun später dann *noch* haben wir mit den Körben *noch* mehr gemacht, da *haben* wir im ganzen Winter, in Sommerzeiten nun zu den Bauern *gegangen auf die Arbeit*. Heute ist es ja besser, *nicht [...]*¹ (здесь и далее курсив наш. — М. Б., Е. К.) (Ton- und Transkriptkorpora des IDS).

Здесь в качестве маркеров разговорности выступают сразу несколько синтаксических средств. Избыточное слово-паразит *nicht* — одно из наиболее часто встречающихся средств хезитации в устной речи, используемое практически всеми носителями языка.

В данном фрагменте средством синтаксической креативности говорящего можно считать уточнение и конкретизацию действий (*auf die Straße gegangen, in den Busch gegangen, Holz machen*² — коммуникативно обусловленная избыточность), повторение частицы *noch* как элемент избыточности, вынос за рамку (*auf die Arbeit*) — как разрыхление и сегментацию целого и одновременно выделение значимого по содержанию элемента, а также изменение структуры в результате быстрой смены мысли (*haben – gegangen*). Можно лишь предположить, что говорящий использует начало одной синтаксической конструкции, но, не закончив ее, переходит к другой, так как с глаголами передвижения должен употребляться вспомогательный глагол *sein*, а не *haben*. Таким образом, здесь имеет место совмещение (контаминация) двух синтаксических конструкций в одну.

В приведенном далее фрагменте, очевидно, речь идет об игре серсо. Здесь маркеры разговорности выступают одновременно и средством синтаксической креативности:

[...] *diese Ringe*, das sind / also es gibt zwei verschiedene Arten. *Den Ring, den wir benutzen*, der hat ein ganz bestimmtes Gewicht [...]³ (Ton- und Transkriptkorpora des IDS).

Как средства синтаксической креативности в данном фрагменте можно рассматривать употребление в препозиции тематических элементов: именительный темы (*diese Ringe, das sind [...]*) и по аналогии аккузатив темы (*den Ring, den wir benutzen, der [...]*).

¹ В семнадцать лет меня призвали, [...] э-э, в Австрии, был в плену, вернулся из плена домой, и снова впрягся в работу, э-э! Ну и некоторое время мы плели корзины, и (0) время от времени выходил на улицу, по кустам шарил, дрова заготавливал, конечно, мы были слабоваты, э-э! Да, позже, мы больше корзин делали, и всю зиму, и в летнее время мы ходили на работу к фермерам. Сегодня, конечно, лучше э-э (здесь и далее перевод наш. — М. Б., Е. К.).

² выходить на улицу, шарить по кустам, заготавливать дрова

³ эти кольца, это / так что есть два разных типа. Кольцо, которое мы используем, у него определенный вес

В следующем фрагменте затрагиваются проблемы школьного образования, говорящий является представителем сферы образования, что накладывает отпечаток на его речь: предложения четко структурированы, преобладают построения нормативной грамматики. Тем не менее отмечается использование повторения как средства языковой избыточности (выделено курсивным шрифтом). Такое повторение обусловлено, вероятно, процессом медленного формулирования высказывания, поиском адекватного языкового выражения мысли:

Herr Doktor H., man hört *so manches in den Zeitungen*, liest *so manches in den Zeitungen* und hört in Gesprächen viel verschiedene Meinungen über die Aufgaben der Schule in der Gegenwart, ob es eine Lernschule oder eine Bildungsschule sein soll oder welche erzieherischen Aufgaben die Schule hat⁴ (Ton- und Transkriptkorpora des IDS).

Далее рассмотрим фрагмент начала разговора, в котором присутствуют в большом количестве пустышки, т. е. избыточные языковые средства (выделены курсивом), не несущие никакой семантической нагрузки:

[...] danke schön °h ja ich freu mich dass ich ihnen eurocom hier heute vorstellen darf °h is *natürlich was ganz anderes* als herr rückert *jetzt eben grade hier* geboten hat aber *na ja mal sehen* °h also ((lacht)) *mal sehen wie weit ich damit komm* °h also eurocom [...]⁵ (Ton- und Transkriptkorpora des IDS).

Подобных семантически пустых единиц много и в русской разговорной речи, например: *ну это-то так; собственно так и есть, да-да пожалуй-то...* (собственные наблюдения). Видимо, такое употребление пустых языковых элементов и отражает проявление индивидуальности говорящего, хотя использование подобных семантически незначимых лексем наблюдается в речи многих носителей языка, если структура высказывания еще четко не сформирована. Чтобы закрыть смысловые лакуны, адресант и прибегает к подобной языковой избыточности.

На примере приведенных фрагментов можно видеть, что в плане синтаксической организации речевые произведения содержат достаточное число разговорных маркеров, которые и формируют индивидуальный синтаксис адресанта, его функционально-синтаксическую креативность.

Теперь обратимся к синтаксической креативности в русской разговорной речи, что связано в значительной степени с отсутствием определенной нормативности повседневного узуса (Сиротинина, 2013, с. 60). Как и в немецком разговорном синтаксисе, в русском разговорном синтаксисе рождаются креативные конструкции языковой избыточности, служащие для эмоционально-экспрессивного усиления, о чем писал А. П. Сковородников: *видел это своими собственными глазами; слышал что-либо своими собственными ушами; сделал что-либо своими собственными руками* (Копнина и Еремина, 2015). В эмоционально-креативном синтаксисе русской разговорной речи более типичными являются многообразные неполные конструкции, отражающие индивидуальную специфику адресантов: это может быть, например,

⁴ Доктор Х., всякое можно услышать в газетах, прочитать всякое в газетах и услышать в разговорах много разных мнений о задачах школы в настоящее время, будь то учебная школа или образовательная школа, или какие образовательные задачи выполняет школа

⁵ спасибо большое, да я рад, что могу представить вам eurocom здесь сегодня конечно, это сильно отличается от того, что господин Рюкерт только что предложил здесь, но давайте посмотрим, так давайте посмотрим, как далеко я зайду с этим, так, eurocom

незамещенная, нулевая синтаксическая позиция глагола-сказуемого (*Она каждое утро — гимнастикой. Регулярно*); различные конструкции добавления (*А дочка ваша, она историк?*); подчинительные конструкции с нулевым союзом (*Хочешь пирожок — бабушка испекла?*) и т. п.

В результате проведенного исследования удалось установить, что индивидуальный эмоционально-креативный компонент в синтаксисе часто обусловлен тем, что говорящий, стремясь следовать законам языковой нормы, тем не менее выстраивает свое высказывание, отклоняясь от узуса. Таким образом, креативная маркированность синтаксических построений определяется сдвигом соотношения между формально-структурной организацией и вариативно-семантическим, коммуникативно значимым аспектом в пользу последнего.

Синтаксическая креативность имеет свое начало в изучении разговорной речи. Активное исследование особенностей разговорной, или устной спонтанной, речи приходится на вторую половину XX века. В основе исследований того периода лежат записи образцов устной речи и транскрипции этих записей. Это было особенно ценным прежде всего потому, что фиксировались и изучались целые тексты, порождаемые конкретными людьми в конкретных ситуациях общения, обращенные к конкретным реципиентам (об этом писали такие немецкие коллоквиалисты, как Ч. Хене-Леська (Chr. Höhne-Leska), Б. Вакернагель-Джоллис (B. Wackernagel-Jollis), многие русские исследователи разговорной речи: Е. А. Земская (московская школа), О. Б. Сиротинина (саратовская школа), О. А. Лаптева и др.).

По отношению к синтаксису в тот период была установлена структурная специфика отдельных построений: парцелляция, повторы, отклонения от обязательной для немецкого языка двусоставности предложения, эллипсис, анаколупф, парентезы и т. д. Затем были описаны структуры на уровне простого предложения, функционирующие в речи как разговорные индикаторы, которые создают ее яркий разговорный колорит. В связи с возросшим интересом к монологическим и переходным от диалога к монологу формам устной коммуникации особое внимание привлекало изучение монологических форм разговорной речи.

Несколько позже в поле зрения лингвистов попадает креативный потенциал грамматики (Ремчукова, 2005), новые проблемы нормативности также привлекают внимание в связи с вторжением устно-разговорного начала в письменную речь интернет-коммуникации (Голев, 2013), позднее в разговорной речи изучается аллофрония как проявление определенного рода лексической креативности (Масальская, 2020). Близким по проблематике исследования является обращение к стихии устной речи, «не скованной традицией и нормой», что предполагает очень интересные результаты, дополняющие представление о функциональной креативности (Попова, 2020, с. 10).

Путь от исследования специфики разговорного синтаксиса до изучения эмоциональной креативности построения высказываний основан на изучении особенностей сложных построений в устных текстах, проведении статистических обследований всех типов построений, числа зависимых предикативных единиц, встречаемости тех или иных членов высказывания в определенных синтаксических позициях. Предпосылки для подобного ракурса рассмотрения синтаксических явлений в немецком и русском языках формировались не только в русле коллоквиалистики или частных проблем отдельно взятого языка (см., например: Сулейманова, 1999), но и в исследованиях межкультурного аспекта языкового взаимодействия (например: Викулова и др., 2019), а также их сопоставительного изучения (например: Бирюкова и др., 2018).

Исследования разговорной специфики немецкого и русского языков примечательны тем, что с их помощью удалось увидеть не столь ярко выраженный колорит разговорности в устной форме коммуникации на немецком языке. Как известно, немецкий язык, по сравнению с русским, например, обладает строго фиксированным порядком слов в предложении, что не может не определять и специфику синтаксиса устно-разговорной речи.

Результатом проведенных нами исследований разговорной речи явилось установление ряда аксиоматических положений, к числу которых относятся следующие:

- разговорная речь формируется под воздействием экстралингвистических, прагматических и социокультурных факторов;
- совокупность этих факторов обуславливает специфику языковых средств во всем многообразии;
- особой маркированностью обладает синтаксическая оформленность речи;
- разговорная речь часто имеет эмоциональную окраску.

Таким особым разговорным колоритом синтаксических построений, на наш взгляд, можно считать наличие разговорных маркеров, которыми могут быть и порядок слов, и различного рода совмещения, и импликация, т. е. все то, что может отличаться от нормативного образца (стандарта) и формировать специфику разговорного синтаксиса в целом. Безусловно, устный характер, спонтанность, непринужденность, ситуативная обусловленность и эмоциональность являются экстралингвистической характеристикой устной речи и формируют ее основные принципы:

- применение языковой экономии, если можно соединить вербальный и невербальный контексты (вспомним классический пример, приведенный Ш. Балли, когда достаточно указать на самолет и произнести «Смотрите», чтобы невербальный компонент стал частью предложения; ср. подобный пример на немецком языке: *da guck mal*⁶ — например, об автобусе на остановке);
- использование языковой тавтологической избыточности, пауз хезитации, если это помогает обдумыванию формулировки: *пойдем туда, там еще дом есть, э-э-э дом такой веселый...* (собственные наблюдения) вместо конкретного адреса; пример на немецком языке: *Und heute ist, halb fünf ist Feierabend, nicht*⁷ (Ton- und Transkriptkorpora des IDS) — изменение структуры по ходу обдумывания;
- применение сегментированной синтаксической структуры путем дробления целого на части или присоединения добавочной информации: *приходи сегодня, в пять, можно в шесть; ...дети, они всегда так; ...mein Mann, der schimpft schon immer*⁸ (Ibid).

Заключение / Conclusion

Проведенное нами исследование позволяет под новым углом зрения увидеть особенности разговорного синтаксиса как проявления функциональной эмоциональной креативности. Хотя креативная лингвистика и завоевывает постепенно поле лингвистических исследований, в центре внимания находятся пока процессы, связанные

⁶ посмотри-ка

⁷ и сегодня, половина пятого — конец работы, так ведь

⁸ мой муж, он всегда ругается

с лексическими и фразеологическими трансформациями (Ерофеева и Черноусова, 2019; Хвесько, Нагель и Басуева, 2021). Поскольку культурный фон коммуникации формируют лексическая и синтаксическая составляющие, представляется важным обратить внимание на синтаксическую креативность носителей немецкого и русского языков, что обосновывает новизну и актуальность предпринятого исследования.

Креативность носителей немецкого и русского языков в разговорном синтаксисе проявляется в использовании так называемых разговорных маркеров, составляющих как общую, так и индивидуальную специфику речетворчества. Паралингвистический контекст влияет на форму синтаксической организации высказывания, что находит подтверждение и в анализируемом языковом материале. Адресанты свободны в выборе между нормативным и креативным синтаксисом, но в зависимости от уровня официальности/неофициальности общения уменьшается или увеличивается число разговорных маркеров в речи, имеющих отличия от стереотипного синтаксического построения конструкции в общеупотребительном варианте речи. Безусловно, синтаксическая креативность носит не столь ярко выраженный характер, как лексическая, для которой неология и окказионализация речи более типичны. Например, в сфере лексической креативности по аналогии со словами *Sinfonie*, *Leertätigkeit*, *Nachbarn*⁹ образованы лексемы *Schimpfonie*, *Leertätigkeit*, *Krachbarn*¹⁰ и др.

Наряду с рассмотренными маркерами разговорности (функционально-эмоциональной креативности), достаточно широко представленными в синтаксисе немецкого и русского языков, в меньшем объеме можно обнаружить случаи и более яркой синтаксической креативности, в частности конструкцию наложения (термин введен в традиционное исследование русской разговорной речи Е. А. Земской). Примерами таких конструкций в русском разговорном синтаксисе служат построения типа: Сломалась дверь починить надо; в немецком разговорном синтаксисе: ...*darf man bei den Leuten zu Mittag essen kriegt ein gutes Essen, kriegst ein gutes Essen...*¹¹ Выделенный член предложения — это конец первой и в то же время начало второй конструкции, при этом он объединяет обе конструкции в одно целое.

В рамках современного лингвистического направления «Креативная лингвистика» нами предложено представление об эмоционально-креативном синтаксисе, в который включаются не только формы языковой экономии, но и формы коммуникативной избыточности: повторы, именная тема, винительная тема, самоперебив, аналоуф, средства hesitation и т. д.

Подводя итог, можно отметить, что креативная лингвистика и эмоционально-креативный синтаксис как ее составляющее звено являются перспективным вектором поиска новых исследовательских горизонтов. Креативность всегда связана с речевым творчеством носителей языка, с говорящей личностью, что позволяет вести исследования на стыке семантики, грамматики, прагматики, лингвосомиотики, лингводидактики, лингвоэмоциологии, которые объединяются в поле креативных лингвистических дисциплин.

⁹ симфония, учебная деятельность, соседи

¹⁰ разглагольствования, пустословие, шум, причем данные соответствия на русском языке не отражают в полной мере игры слов в немецком языке

¹¹ можно у них съесть обед получить можно вкусный, получишь хорошую еду (перевод по смыслу передает синтаксическую структуру наложения)

Список источников

1. *Лингвистика креатива – 1*: коллективная монография (под общ. ред. Т. А. Гридиной). (2013). 2-е изд. Уральский государственный педагогический университет.
2. *Лингвистика креатива – 2*: коллективная монография (под общ. ред. Т. А. Гридиной). (2012). 2-е изд. Уральский государственный педагогический университет.
3. *Когнитивные категории в синтаксисе*: коллективная монография. (2009). ИГЛУ.
4. Норман, Б. Ю. (2011). *Грамматика говорящего: от замысла к высказыванию*. 2-е изд., испр. и доп. Либроком.
5. Винокур, Т. Г. (2017). *Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения*. URSS.
6. Кострова, О. А. (2021). *Экспрессивный синтаксис современного немецкого языка*: учебное пособие. 4-е изд., испр. Флинта.
7. Верещагин, Е. М., & Костомаров, В. Г. (1999). *В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик*. Институт русского языка им. А. С. Пушкина.
8. Звегинцев, В. А. (2007). *Предложение и его отношение к языку и речи*. КомКнига.
9. Киров, Е. Ф. (2008). Нулевые единицы в русском предложении. *Активные процессы в современной грамматике*: материалы Международной конференции. Издательство МПГУ, 88–92.
10. Сиротинина, О. Б. (2013). *Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски*. Издательство Саратовского университета.
11. Копнина, Г. А., & Еремина, Е. В. (2015). Системность языка, экология коммуникации и гуманитарная составляющая образования: к 85-летию юбилею профессора А. П. Сквородникова. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языковедение*, 1(25), 21–29. <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.1.2>
12. Ремчукова, Е. Н. (2005). *Креативный потенциал русской грамматики*: монография. Издательство Российского университета дружбы народов.
13. Голев, Н. Д. (2013). Русская письменная разговорная речь и ее отражение в обыденном метаязыковом сознании участников виртуальной коммуникации. *Вестник Томского государственного университета. Филология*, 5(25), 12–30. <http://doi.org/10.17223/19986645/25/>
14. Масальская, Ю. В. (2020). Проявление аллофронии в разговорной речи немецкого языка (стилистический аспект). *Филология: научные исследования*, 7, 61–67. <http://doi.org/10.7256/2454-0749.2020.7.33407>
15. Попова, Т. И. (2020). Кто в доме хозяин? — или о том, чья очередь говорить. *Русская речь*, 1, 7–20. <http://doi.org/10.31857/S013161170008273-9>
16. Сулейманова, О. А. (1999). *Проблемы русского синтаксиса: Семантика безличных предложений*. Диалог-МГУ.
17. *Основы межкультурной коммуникации. Государственные и национально-культурные символы*: учебное пособие (под ред. Л. Г. Видуловой и Е. Ф. Серебренниковой). (2019). 2-е изд., стер. Флинта. <https://znanium.com/catalog/product/1863324>
18. Бирюкова, Е. В., Радченко, О. А., & Попова, Л. Г. (2018). *Языковедение: сравнительная типология немецкого и русского языков*: учебник для бакалавриата и магистратуры. Юрайт.
19. *Ton- und Transkriptkorpora des IDS — Archiv für Gesprochenes Deutsch*. (2020, 3 марта). <http://www1.ids-mannheim.de/>
20. Ерофеева, Т. И., & Черноусова, А. С. (2019). Методологические подходы к изучению лексики городской речи. *Язык и культура*, 48, 104–120. <http://doi.org/10.17223/19996195/48/7>
21. Хвесько Т. В., Нагель, О. В., & Басуева, Н. Ю. (2021). Фразеологизмы как проявление культурного кода. *Язык и культура*, 54, 81–93. <http://doi.org/10.17223/19996195/54/5>

References

1. *Linguistics of creativity – 1*: collective monograph. T. A. Gridina (Ed.). (2013). 2nd ed. Ural State Pedagogical University. (In Russ.).
2. *Linguistics of creativity – 2*: collective monograph. T. A. Gridina (Ed.). (2012). 2nd ed. Ural State Pedagogical University. (In Russ.).
3. *Cognitive categories in syntax*: collective monograph. (2009). IGLU.
4. Norman, B. Yu. (2011). *The speaker's grammar: from conception to utterance*. 2nd ed., rev. and additional. Librokom. (In Russ.).
5. Vinokur, T. G. (2007). *Speaking and listening: variants of speech behavior*. URSS. (In Russ.).
6. Kostrova, O. A. (2004). *Expressive Syntax of Modern German: A Study Guide*. 4th ed., rev. Flinta. (In Russ.).
7. Vereshchagin, E. M., & Kostomarov, V. G. (1999). *Searching the new ways of linguistic and regional studies development: the concept of speech-behavioral tactics*. Institute of the Russian language Named after A. S. Pushkin. (In Russ.).
8. Zvegincev, V. A. (2007). *The sentence and its relation to language and speech*. KomKniga. (In Russ.).
9. Kirov, E. F. (2008). Zero units in the Russian sentence. *Active processes in modern grammar: materials of the International Conference*. Publishing House of Moscow State Pedagogical University, 88–92. (In Russ.).
10. Sirotinina, O. B. (2013). *Russian language: system, usage and the risks they create*. Saratov University Publishing House. (In Russ.).
11. Kopnina, G. A., & Eremina, E. V. (2015). The systemic nature of language, the ecology of communication and the humanitarian component of education: to the 85th anniversary of Professor A. P. Skovorodnikov. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 1(25), 21–29. <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.1.2> (In Russ.).
12. Remchukova, E. N. (2005). *Creative potential of Russian grammar*: monograph. Publishing House of the Peoples' Friendship University of Russia. (In Russ.).
13. Golev, N. D. (2013). Russian written colloquial speech and its reflection in the ordinary metalinguistic consciousness of participants in virtual communication. *Tomsk State University Journal of Philology*, 5(25), 12–30. <http://doi.org/10.17223/19986645/25/> (In Russ.).
14. Masalskaya, Yu. V. (2020). Manifestation of allophony in colloquial speech of the German language (stylistic aspect). *Filology: scientific researches*, 7, 61–67. <http://doi.org/10.7256/2454-0749.2020.7.33407> (In Russ.).
15. Popova, T. I. (2020). Who is the head in this house? — or whose turn it is to speak. *Russian speech*, 1, 7–20. <http://doi.org/10.31857/S013161170008273-9> (In Russ.).
16. Sulejmanova, O. A. (1999). *Problems of Russian syntax: Semantics of impersonal sentences*. Dialog-MGU. (In Russ.).
17. *Fundamentals of intercultural communication. State and national-cultural symbols*: textbook. (2019). L. G. Vikulova, & E. F. Serebrennikova (Eds.). 2nd ed., ster. Flinta. <https://znanium.com/catalog/product/1863324> (In Russ.).
18. Biryukova, E. V., Radchenko, O. A., & Popova, L. G. (2018). *Linguistics: a comparative typology of German and Russian*: a textbook for bachelor's and master's degrees. Yurayt. (In Russ.).
19. *Ton- und Transkriptkorpora des IDS — Archiv für Gesprochenes Deutsch*. <http://www1.ids-mannheim.de/> (In German).
20. Erofeeva, T. I., & Chernousova, A. S. (2019). Methodological approaches to the study of the vocabulary of urban speech. *Language and Culture*, 48, 104–120. <http://doi.org/10.17223/19996195/48/7> (In Russ.).
21. Hvesko, T. V., Nagel, O. V., & Basueva, N. Yu. (2021). Phraseologisms as a manifestation of the cultural code. *Language and Culture*, 54, 81–93. <http://doi.org/10.17223/19996195/54/5> (In Russ.).

Информация об авторах

Мария Вячеславовна Беляева — кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры германистики и лингводидактики Института иностранных языков МГПУ.

Евгений Флорентович Киров — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и методики преподавания филологических дисциплин Института гуманитарных наук МГПУ.

Information about the authors

Maria V. Belyaeva — PhD (Philology), Professor of the Department of German Studies and Linguistic Didactics, Institute of Foreign Languages, MCU.

Evgeny F. Kirov — Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language and Methods of Teaching Philological Subjects, Institute of Humanities, MCU.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.